

ИТЕЛЬМЕНЫ

ГЛАВА I

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Современные ительмены (самоназвание *ительмень*, *итэнмън* – местный житель, старое название – *камчадалы*) живут на Камчатке, преимущественно в Тигильском районе Камчатского края. Здесь они сосредоточены в четырех селах района – Ковране, Усть-Хайрюзово, Тигиле, Хайрюзове, а также в бывшем административном центре округа пос. Палана. Преобладающей частью населения они являются только в Ковране. Небольшие группы ительменов имеются в других населенных пунктах Камчатки.

В конце XVII в. северной границей обитания ительменов были р. Тигиль на западном и р. Ука на восточном побережьях Камчатки, южная граница простиралась до самой оконечности полуострова. Эту же территорию ительмены заселяли и в первой половине XIX в., сократилось лишь число поселений. Во второй половине XIX в. они жили только на западном побережье Камчатки, в селах Сопочном, Морошечном, Хайрюзове, Ковране, Утхолоке, Напане, Седанке Оседлой. В 1950-х годах в связи с укрупнением колхозов ительмены Сопочного, Морошечного и Утхолока переселились в Ковран, жители Аманино, Напаны и Седанки Оседлой – в Тигиль.

Численность ительменов к моменту прихода русских определялась по-разному. Л.С. Берг, основываясь на сообщениях землепроходца В. Атласова, предположил, что только в низовьях р. Камчатки в конце XVII в. жило около 25 тыс. ительменов (Берг, 1946. С. 64). По мнению И.И. Огрызко, численность ительменов в конце XVII в. составляла 18 тыс. чел. (Огрызко, 1961. С. 201). Наиболее обоснованные данные по численности ительменов в конце XVII – начале XVIII в. приводит Б.О. Долгих. Используя материалы ясачных книг, он пришел к выводу, что в 1697 г. численность ительменов составляла 12 680 чел., к 1738 г. сократилась до 8448 чел. (Долгих, 1960. С. 571). В конце XVIII – начале XIX в. численность ительменов продолжала сокращаться, в 1820 г. их насчитывалось примерно 2 тыс. человек (Гурвич, 1966б. С. 101, 103, 180). Основными причинами уменьшения являлись завезенные болезни и процесс ассимиляции. Смешение коренного населения с пришлым особенно быстро шло в XIX в., в результате в начале XX в. ительменов, владеющих родным языком и элементами традиционной культуры, насчитывалось около 1000 человек.

Всесоюзная перепись 1926 г. зафиксировала 4207 камчадалов, в число которых вошли и ительмены (Всесоюзная перепись населения 1926 г., 1928. С. 134).

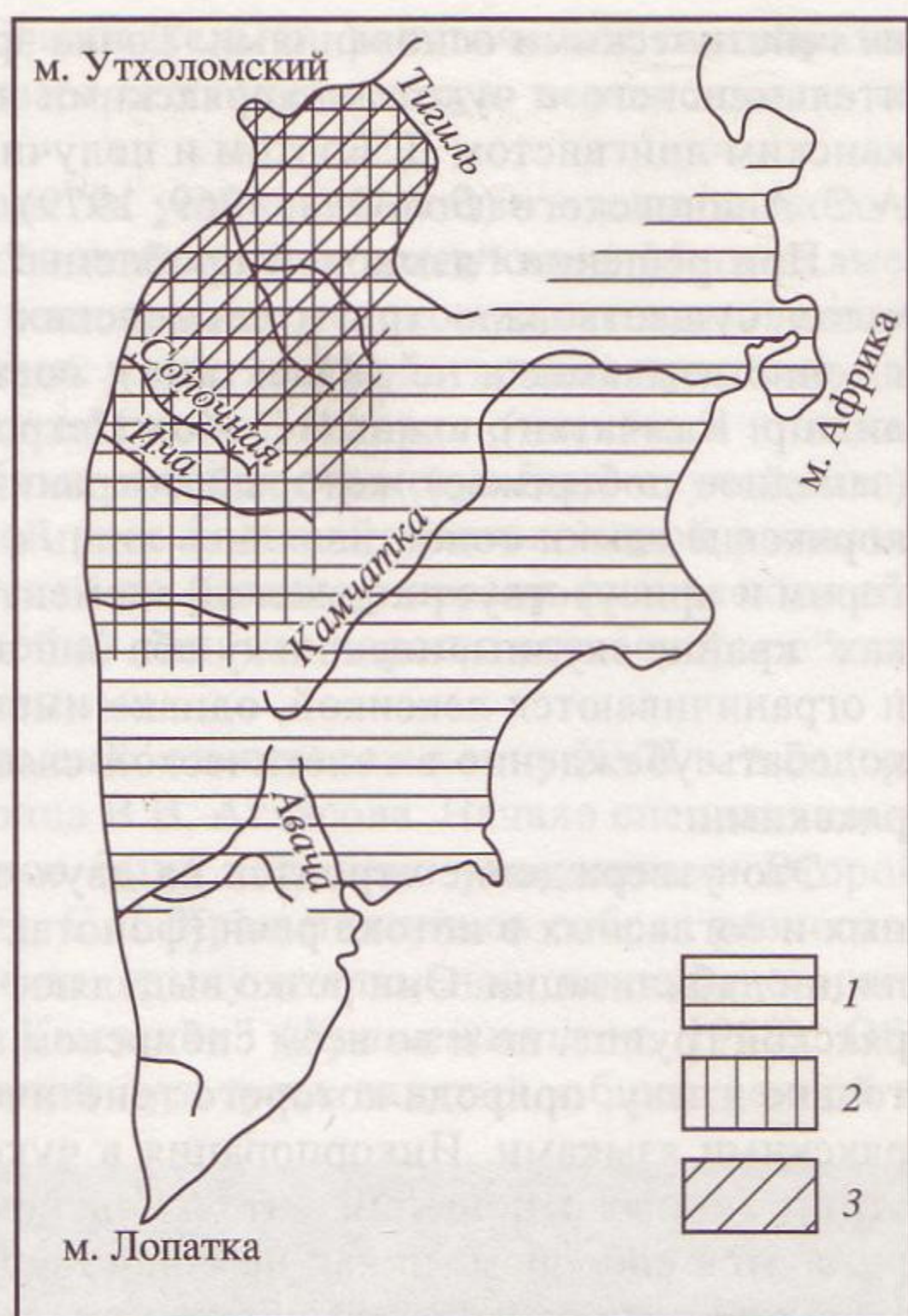
Исследователи, пользуясь материалами указанной и Приполярной (1926–1927 гг.) переписей, называют различное число ительменов: 769 (Е.П. Орлова), 803 (С.Н. Стебницкий), 888 (Т.А. Молл), 831 (И.С. Гурвич). Всесоюзные переписи населения 1959 и 1970 гг. учли соответственно 1096 и 1301 ительменов (Итоги переписи 1959 г., 1963. С. 302–303; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., 1973. С. 21, 24, 26), в 1979 г. насчитывалось 1370 ительменов, из них в Корякском автономном округе 1002.

В 2002 г. переписью учтено 3180 ительменов, в том числе 643 в Магаданской области. Магаданские “ительмены” – коренное русскоязычное население Охотского побережья Магаданской области, аналогичное по своему происхождению камчадалам. “Ительменами” они стали в 1980-е годы, когда камчадалы не признавались малочисленным народом Севера, а соответственно на них не распространялись и льготы. В результате произошла смена этничности, чему во многом способствовали и местные власти. Численность ительменов в Камчатской области – 2296 чел. В это число вошла часть бывших камчадалов, идентифицировавших себя во время переписи как ительмены. В Корякском АО, согласно переписи, проживал 1181 ительмен.

Ительменский язык принято относить к чукотско-камчатской группе, в которую кроме него входят еще четыре языка: чукотский, корякский, алюторский и керекский. Согласно традиционной точке зрения, ительменский язык генетически связан с ними, хотя и имеет ряд отличий (Богораз, 1929; Стебницкий, 1934а, 1941; Скорик, 1958а, б; 1977б).

Традиционная точка зрения наиболее последовательно изложена в работах П.Я. Скорика. Суть ее состоит в следующем. Ительменский язык обнаруживает существенные отличия в фонетике и лексике, однако, имеет не менее существенное сходство в грамматике, особенно в области словоизменения глагола. Это обстоятельство побуждает считать ительменский генетически связанным с чукотско-корякскими языками, а различия объясняются ранним обособлением ительменского от чукотско-корякского языка-основы и интенсивным иноязычным влиянием. В сущности ительменский язык – “конгломерат” различных языков (каких именно – остается неясным, предполагается, что они без следа поглощены ительменским). Эти “поглощенные языки” оказали сильное влияние на фонетику, лексику и отчасти даже на грамматику ительменского языка. Отсутствие в ительменском инкорпорации и основосложения, свойственных чукотско-корякским языкам, объясняется их “утратой”.

Существует иная точка зрения, согласно которой атрибуция ительменского языка как одного из чукотско-камчатских может быть оправдана ареальными, но

Расселение ительменов

1 – XVIII в.; 2 – конец XIX в.; 3 – середина XX в.

не генетическими основаниями. Точка зрения, отрицающая генетическую связь ительменского с чукотско-корякскими языками, была сформулирована американским лингвистом Д. Бортом и получила развитие в работах А.П. Володина и А.С. Асиновского (Володин, 1969; 1979).

При решении “языковой проблемы” необходимо иметь в виду, что в прошлом существовало три ительменских языка (предпочтительно называть их именно языками, а не диалектами): восточный (тихоокеанское побережье, долина р. Камчатки), южный (район Петропавловска – Большерецка) и западный (западное побережье), который сохранился до настоящего времени. Чукотско-корякские языки сопоставлялись лишь с западным ительменским языком, в котором и присутствует корякский элемент. Сведения о восточном и южном “языках” крайне скудны, поскольку оба они в настоящее время полностью утрачены и ограничиваются лексикой, однако именно лексические данные позволили поколебать убеждение в генетической связи ительменского языка с чукотско-корякскими.

Это утверждение строится на двух обстоятельствах – распределении гласных и согласных в потоке речи (фонотактика) и наличии так называемой корреляции лабилизации. Они резко выделяют ительменский не только в чукотско-корякской группе, но и во всем сибирском ареале. Эти черты могли быть присущи только языку, природа которого генетически иная сравнительно с чукотско-корякскими языками. Инкорпорация в чукотско-корякских языках с выражением атрибутивных отношений в ительменском языке отсутствует, эти отношения выражаются способом, никак не сопоставимым с чукотско-корякскими данными. Качественные слова у ительменов не способны изменяться по лицам как в чукотско-корякских языках (если следовать логике традиционной точки зрения, эту способность они утратили вместе с инкорпорацией). Ительменский язык – номинативный, а не эргативный, как чукотско-корякские, что проявляется не только в отсутствии эргативного падежа, но и в принципиальных отличиях всей грамматической структуры. Практически полное материальное совпадение личных показателей глагола – самый сильный аргумент традиционной точки зрения – может быть объяснено как результат длительных межъязыковых контактов ительменов с коряками и чукчами. При этом речь идет о заимствовании не отдельных форм, а целостной парадигмы словоизменения. Она взята целиком, готовая. Это чрезвычайно важно. Кроме того, видовременная система ительменского глагола принципиально отличается от чукотско-корякской, и показатели вида и времени занимают в структуре слова разные места: в чукотско-корякских языках – перед корнем, в ительменском – после. На это существенное обстоятельство традиционно не обращалось внимания.

В качестве одного из доводов генетического единства ительменского и чукотско-корякских языков приводятся также совпадения форм падежей. Сопоставительные исследования показали, что эти совпадения носят “контактный” характер. История формирования чукотско-корякской падежной системы свидетельствует, что ительменский язык не принимал участия в этом процессе. Следовательно, можно предположить, что ительменский язык входит в чукотско-камчатскую группу на ареальных основаниях, но генетической связи с чукотско-корякскими языками у него нет. Сходства в грамматике и лексике являются результатом длительных интенсивных контактов. Однако эти контактные влияния ограничены внешними границами словоформы, они не изменили (и вряд ли могли изменить) принципа устройства слова в ительменском языке. Ительменское слово не может иметь более одной корневой морфемы, тогда как в чукотско-корякских языках основосложение и инкорпорация – важнейший элемент

морфологического конструирования. Следовательно, фонетическое своеобразие ительменского языка только подчеркивает его генетическую независимость от чукотско-корякских языков.

Представляется перспективной попытка установить связи ительменского с индейскими языками. В пользу этого свидетельствует следующее. Многие американо-индейские языки имеют свойственные ительменскому глоттализированные смычные. Кроме того, ительменский язык имеет не свойственное чукотско-корякским языкам косвенно-объективное спряжение, которое отмечается в целом ряде индейских языков. Вряд ли подобные совпадения могут быть случайными.

Ительмены относятся к арктической расе большой монголоидной расы, но существенно отличаются от своих соседей по расовому ареалу физическим обликом. Антропологи выделяют их в особый тип, что хорошо согласуется с языковыми и культурно-генетическими данными.

Наиболее ранние сведения об ительменах относятся к концу XVII в. и содержатся в “скасах” русского землепроходца В.В. Атласова. Начало специальному этнографическому изучению ительменов было положено участниками Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.). С.П. Крашенинников собрал разносторонние сведения по истории, этнографии, языку ительменов, вошедшие в его классический труд “Описание земли Камчатки” (Крашенинников, 1949). Обстоятельная характеристика материальной культуры, занятий, общественной и духовной жизни ительменов дана в книге Г.В. Стеллера (*Steller*, 1774).

Важные сведения о материальной культуре, хозяйстве, особенностях религиозных представлений, изменениях в быте и культуре ительменов, происшедших под русским влиянием, оставили участники различных экспедиций: Ж.Б. Лессепс (1801), Г.А. Сарычев (1952), В.М. Головин (1861).

Ценные фактические сведения по вопросам истории освоения Камчатки, археологии, этнографии имеются в работах А.С. Сгибнева (1869), П.А. Словцова (1886), К. Дитмара (1901), американского путешественника Дж. Кеннана (1871). В конце XIX в. в составе Охотско-Камчатской экспедиции в качестве врача работал Н.В. Слюнин. На основе личных наблюдений и уже накопленных сведений им был написан двухтомный труд (Слюнин, 1900) с характеристикой занятий, быта, элементов материальной культуры ительменов. В эти же годы сведения об ительменах собра-

Семья ительменов

Ительмены. Камчатский край, Тигильский район, пос. Напана. 1956–1957 гг. Фотоархив ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 280

ли окружной врач В.Н. Тюшов (1906), В.П. Маргаритов (1899), В.Л. Комаров (1950).

В 1897–1903 гг. в составе Джебуповской экспедиции и в 1909–1911 гг. в составе Камчатской экспедиции РГО принимал участие В.И. Иохельсон. Его материалы об ительменах нашли отражение в ряде статей (*Иохельсон*, 1915, 1930; *Jochelson*, 1928).

Большой вклад в изучение древней истории ительменов внесли советские археологи и антропологи. Выделен ряд культурных комплексов, соответствующих различным этническим группам Камчатки (*Руденко*, 1948; *Диков*, 1964, 1973а, б, 1979а). Древние ительменско-айнские связи на юге полуострова реконструированы Т.М. Диковой (1980, 1983). Генезис древней культуры территории, ее место среди приморских культур сопредельных районов прослежен А.К. Пономаренко (1985). Расовое разнообразие палеоазиатских народов, антропологические признаки, формировавшиеся в далеком прошлом, установлены антропологами М.Г. Левиным (1958б), Г.Ф. Дебецем (1951), В.П. Алексеевым и И.И. Гохманом (1984).

Интерес специалистов в советское время привлекло изучение языка и фольклора ительменов (*Алькор*, 1932; *Лукс*, 1930; *Стебницкий*, 1934; *Молл*, 1960; *Скорик*, 1958а, б, 1974, 1977б). Новый взгляд на генетическую принадлежность ительменского языка высказал А.П. Володин (1979). Накопление фольклорных текстов ительменов проводилось Е.П. Орловой, А.П. Володиным, Н.К. Старковой, специальный их анализ дан Г.А. Меновщиковым (1974) и Е.И. Мелетинским (1979).

В послевоенные годы опубликовано значительное число работ, посвященных различным проблемам этнографии ительменов. В.В. Антропова по материалам С.П. Крашенинникова восстановила географическое размещение ительменских поселений в 1730-х годах XVIII в. (*Антропова*, 1949 а). Проблемам этногенеза ительменов, их этнических связей с соседними народами посвящены работы М.Г. Левина (1958б, в), Б.О. Долгих (1960), И.С. Вдовина (1970, 1972а, 1973б), И.С. Гурвича (1970б, г, 1980, 1982а), Р.Г. Ляпуновой (1975а).

Наиболее изучена к настоящему времени материальная культура ительменов (*Старкова*, 1971, 1974, 1976, 1978; *Левин*, 1946; *Прыткова*, 1976; *Антропова*, 1949а, 1953а). Большую ценность представляет “Историко-этнографический атлас Сибири” (1961), в котором наиболее подробно описаны и классифицированы средства передвижения ительменов и их виды.

Единственными источниками, позволяющими судить о формах социальной организации ительменов ко времени прихода русских, являются материалы С.П. Крашенинникова и Г.В. Стеллера. К сожалению, они противоречивы. Основываясь на этих сведениях, советские ученые признавали у ительменов существование материнского рода (*Золотарев*, 1934), переходной стадии от материнского к отцовскому роду (*Антропова*, 1957; *Симченко*, 1970).

Фрагментарно изучена традиционная духовная культура ительменов. Из народного декоративного искусства рассматривался лишь орнамент (*Иванов*, 1963, 1972; *Кочешков*, 1989). В 1980-е годы появились первые работы по традиционному танцевальному искусству (*Карабанова*, 1984; *Жорницкая*, 1983).

Тщательное изучение и накопление материала по хозяйству, быту и культуре народностей Севера, социалистических преобразований дало возможность перейти к обобщающим исследованиям (*История и культура ительменов*, 1990).

Современные особенности изучения ительменов характеризуются активным участием в исследовательских проектах представителей ительменской интеллигенции, а также перемещением центра изучения ительменов на Камчатку.

Большинство исследовательских проектов являются международными и носят прикладной характер, диктуемый потребностями ительменского сообщества (*Wilson, Koester, 2006*). Специалистами Камчатского института экологии и природопользования ДВО РАН при поддержке Общества охраны природы ФРГ подготовлен проект развития территории традиционного природопользования “Тхсаном” (Ресурсы..., 1996). В целях реконструкции традиционного сезонного расселения и природопользования проведено археологическое изучение долины р. Ковран, выявлено около 40 археологических памятников (*Кренке, 2002, 2006*).

Для содействия изучению и распространению ительменского языка К.Н. Халоймовой в содружестве с немецкими исследователями подготовлены и изданы “Историко-этнографическое пособие по ительменскому языку”, пособие “Ительменский язык и культура”. Издан на ительменском языке подготовленный В.И. Успенской сборник “Ительменский фольклор. Ительменская разговорная речь”.

В 1995 и 1997 гг. в окрестностях Петропавловска записывались воспоминания пожилых ительменов, личные истории, которые затем были изданы небольшим тиражом (*Кестер, Петрашева, 1997*). Антрополог из США Д. Кестер записал и издал на английском языке обширное жизнеописание ительмена Г.Д. Запороцкого и его родственников (*Koester, 2003*).

Процессы трансформации современного религиозного мировоззрения ительменов изучались О.А. Мурашко (1999а, б, 2004) и Д. Кестером (2006).

Многие аспекты современной культуры ительменов, их социально-экономического развития отражены в материалах международных конференций, проводимых на Камчатке.

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Этногенез ительменов – сложный и длительный процесс, многие стороны которого остаются до сих пор открытыми. Уже ранние исследователи Камчатки С.П. Крашенинников и Г.В. Стеллер расходились во взглядах на происхождение ительменов, но в главном их представления были общими: ительмены не являются частью или ответвлением их северных соседей коряков и чукчей. Генетическое отличие ительменов подчеркивали позднее В.П. Маргаритов (1899. С. 104) и Н.В. Слюнин (1900. С. 402).

Признавая генетическую обособленность ительменов, исследователи опирались, прежде всего, на языковые отличия, но ительмены обладают также рядом антропологических признаков, которые также выделяют их среди аборигенов Северо-Востока. Несмотря на весьма интенсивное смешение с русскими, “ительмены, и особенно камчадалы, все-таки более темнокожи, чем коряки”. В прошлом эти различия были еще большими (Дебец, 1951. С. 118). М.Г. Левин, признавая близость антропологического типа ительменов и коряков, говорил лишь об общем ареале их формирования, что, конечно, не равнозначно генетическому родству (Левин, 1958в. С. 228).

Важные для понимания этногенеза ительменов данные содержатся в археологических материалах. С.И. Руденко выделил на полуострове три археологических комплекса. Наиболее древний, который он соотносил с ительменами, по его мнению, генетически связан с континентальной Сибирью, предположительно с неолитом Лены и Прибайкалья” (Руденко, 1948. С. 153–179). Гипотеза о проникновении предков ительменов на Камчатку из районов Приленья в настоящее время признается большинством исследователей. Однако Н.Н. Диков небезосновательно полагал, что ительмены имеют и местные “весьма древние, восходящие к концу палеолита” на Камчатке генетические истоки (Диков, 1979б. С. 3–5). А. К. Пономаренко подтверждает это положение, когда говорит, что формирование древнеительменской культуры развилось на основе местных позднепалеолитических, позднемезолитических или раннеолитических культурных традиций (Пономаренко, 1985. С. 193).

Не менее существенны для обоснования генетической изолированности ительменов от своих северных соседей этнографические данные. Ительмены были в первую очередь типичными речными рыболовами. Второе по значению место в их производственной деятельности занимала заготовка дикорастущих трав и корней. В использовании растений они далеко превосходили всех своих соседей. “Где вы найдете племя, – писал П.А. Словцов, – с таким удивительным знанием ботанизирующее? Камчадалы и камчадалки – самоучки, но знают вредоносные, питательные, целебные, лакомые силы всех прозябаний и трав, на их полуострове растущих” (Словцов, 1886. С. 138).

Отличался тип зимнего и летнего жилища ительменов. Ряд существенных отличий имелся в одежде. Например, женские *кухлянки* имели сзади хвостобразное удлинение, хотя по конструкции они были глухими, подобно корякским и чукотским, шили их обязательно с капюшонами. Обувь, используемая во время дальних поездок или охоты, изготавливалась из рыбьей кожи. Мужчины носили головные берестяные уборы в виде *умбракулов* с завязками на затылке.

В юрте они находились в голом виде, опоясанные ремнем с кожаным футляром для полового органа. Женщины носили травяные парики, перчатки без пальцев. У ительменов преобладало копчение рыбы, и печение рыбы, чего не было у коряков. Пищу они готовили в деревянной посуде при помощи раскаленных камней, этого не знали их северные соседи. Ительменам принадлежит особый вид нарт, способ упряжи также отличается от всех известных видов.

Особый характер носили благодарственные праздники ительменов, сопровождавшиеся сложными пантомимами, плясками, пением. Отличались и бытовые обряды, связанные со свадьбой, с рождением ребенка, с похоронами. Детей они хоронили в “дуплеватых деревьях”. Взрослых покойников оставляли на поверхности земли. С умершими не клали никаких предметов, которыми они пользовались при жизни, как это было у коряков и чукчей. Ительмены добывали огонь путем вращения палочки между ладонями рук, а не лучковым снарядом, как коряки и чукчи. Их домашние охранители (*хантай* и *ажушак*) ни по форме, ни по представлениям об их функциях не соответствовали домашним охранителям коряков и чукчей (*тайн'ыквыт*). Праздники ительмены сопровождали пением, которое отличалось особой музыкальностью. “Они умеют, отмечал Г.В. Стеллер, петь не только в унисон, но и подпевают друг другу на два-три средних голоса” (*Steller*, 1774. С. 327). У коряков и чукчей многоголосого пения в унисон не было.

Эти и некоторые другие элементы материальной и духовной культуры ительменов уводят нас в регионы, далекие от Камчатки, дают многослойный материал, характерный как для культур Севера, так и южных широт. Их можно рассматривать как привнесения из какой-то иной природно-географической среды, где они бытовали у предков ительменов, до появления их на Камчатке. Вместе с тем, ни в фольклоре, ни в других видах народной памяти ительменов не закрепились никаких свидетельств об их далекой первородине. Отсчет времени и места своего происхождения они связывают с Камчаткой, что само по себе уже можно рассматривать как свидетельство весьма давнего их появления на этой территории. Мифы ительменов содержат представления, отражающие географические, астрономические явления, наблюдаемые на Камчатке, ее флору и фауну. Комплекс всех форм культуры ительменов был создан жизненным опытом на Камчатке, хорошо приспособлен к местной природной среде. С.П. Крашенинников по этому поводу справедливо замечал, что ительмены “великое имеют знание о тамошних натуральных вещах..., чего в краткое время опытами изведать не можно” (*Крашенинников*, 1949. С. 362).

Преимущество культуры современных ительменов с ранними насельниками Камчатки прослеживается от позднего неолита. В материалах раскопок верхнего слоя Ушковской стоянки отчетливо отражается культура рыболовов. Другая характерная ее особенность – полное отсутствие остеологического (антропологического) материала, что само по себе уже является подтверждением прямой связи этого памятника с ительменами. Известно, что еще в первой половине XVIII в. они оставляли покойников на поверхности земли. В таких случаях останки разносят животные (*Диков*, 1964. С. 13).

Характер находок (лабретки) дает основание предполагать, что в палеолите обитателями этих мест были протоэскимосо-алеуты, а в IV–III тыс. до н.э. на Камчатку проникла наиболее древняя послепалеолитическая культура из северо-восточной Якутии, носителями которой и были далекие предки ительменов (*Диков*, 1973а; 1974. С. 160). Нет сомнений и в том, что создателями тарьинского этапа развитой неолитической культуры, распространившейся по средней и южной областям Камчатского полуострова в III тыс. до н.э. были прямые предки ительменов.

Итоговые обобщения антропологов по истории аборигенов Северо-Востока констатируют, во-первых, наличие расового разнообразия палеоазиатских народов. Во-вторых, весьма существенно, что “характерные черты антропологических типов арктической группы, представленной у эскимосов, чукчей, эвенов, частично коряков и ительменов, были в не меньшей степени, чем сейчас, выражены уже на рубеже новой эры, а само их формирование, по-видимому, относится к гораздо более далекому прошлому. Особенности эти объединяют арктических монголоидов вместе с восточными и южными в одну ветвь монголоидной расы и, стало быть, уводят этнические истоки всех народов – представителей арктической антропологической группы на юг” (Вдовин, 1973б. С. 168–169).

и закрепилось в образных связях.

Ительменско-корякские связи. Соседство ительменов с коряками уходит в глубину веков и характеризуется взаимовлиянием во всем комплексе их культур.

О глубине взаимосвязи ительменов с коряками говорят антропологические данные. Г.Ф. Дебец выделил на Камчатке особый тип арктической группы — “ительменский”, который, как пишет он, следовало бы назвать “камчатским”, так как он представлен и у коряков полуострова. Ительменский или камчатский тип “характеризуется исключительной шириной нижней челюсти при умеренной ширине лица в скуловых дугах. Наличие подобной комбинации этих признаков, являющейся исключительной в пределах всего земного шара, у двух соседних групп свидетельствует о тесном генетическом родстве ительменов с коряками Камчатки” (Дебец, 1951. С. 76–77).

Если существовало “генетическое родство” ительменов с коряками, то почему только с коряками Камчатки, а не вообще с коряками? По всей видимости, этот общий признак не был генетического происхождения, а явился результатом длительных контактов ительменов с камчатскими коряками. У северных оседлых коряков и коряков-оленоводов признаки “камчатского типа” отсутствуют, поскольку их связей с ительменами не существовало.

Взаимодействие ительменов с коряками существовало с весьма давнего времени и породило процесс постепенной ассимиляции, в том числе языковой. Показательно, что многие герои ительменских сказок и мифов носят корякские имена — явное свидетельство заимствования этих сюжетов из корякского фольклора. Значительная культурная общность ительменов с оседлыми коряками западного побережья Камчатского полуострова наблюдается в орудиях и технике рыболовства, в быту, в обрядах и верованиях.

На берегах рек, впадающих в Берингово и Охотское моря, жили оседлые коряки, отличавшиеся диалектами и культурными особенностями. Непосредственные связи ительменов с каждым из этих подразделений по-разному отразились на результатах взаимовлияний. Тесные связи ительменов с паланцами продолжают развиваться и в настоящее время, в то время как контакты с карагинцами практически прервались еще в XIX в. Отношения ительменов с коряками-олене-

водами, преимущественно на западном побережье, то усиливались, то ослабевали. Ко времени присоединения Камчатки строгих границ между ительменами и коряками-паланцами не было. А.П. Горланов отмечал ряд ительменских острожков, которые сравнительно недавно были обитаемы коряками: “Тахлаатынум на левом берегу Крутогоровой реки”, “Тахилвахтаня на левом берегу р. Белоголовой”; “На Хайрюзовой-реке..., где ныне камчадалы живут, жили коряки и построены были немалые острожки”. “Корякский острожек, или просто Коряки (на реке Аваче. — В.Т.), — отмечал В.М. Головнин, — некогда был обитаем коряками, которые все переселились или перемешались с камчадалами” (Головнин, 1861. С. 22). Из этих сообщений следует, что коряки к югу от Тигиля жили в сплошном ительменском окружении.

Немало следов пребывания коряков сохраняет топонимика: один из притоков р. Хайрюзовой в XVII в. назывался по-корякски *Кэлилевут* (Пестрая голова), хребет, с которого брал он свое начало, также имел корякское название — *Авкувывыл'ан* (Большие утесные камни), р. Ковран в переводе с корякского означает Поворот.

Появление коряков-оленоводов на юге западного побережья Камчатки относится к сравнительно недавнему времени. О проникновении коряков-оленоводов далеко на юг полуострова сообщал в 1743 г. А.П. Горланов: “Уведомился я, что они прежде сего жили около Лопатки..., но в результате гололеда много оленей погибло, а с оставшимися коряки откочевали к Тигилю-реке”. Лишившись оленей, многим из них пришлось принять образ жизни ительменов, перейти к оседлости и рыболовству. Находясь в окружении ительменов, они постепенно растворились среди них.

Отношения между коряками и ительменами носили далеко не идиллический характер, что нашло отражение в народной памяти. Житель Облуковинского острожка ительмен Кoryнча объявил, что “коряки из своих жилищ, собравшись человек по 100–150, хаживали по берегу Пенжинского моря на живущих камчадалов даже до Курильской Лопатки”. Обобщая устные известия ительменов, С.П. Крашенинников справедливо полагал, что зачинщиками столкновений были оленные коряки. Отголоски непростых отношений с коряками были свежи в памяти ительменов даже в начале XX в. (Тюшов, 1906. С. 274–275).

Ительмено-корякские связи наиболее тесными были в местах сопредельного расселения — на реках Оманиной, Напане и по Тигилю. Именно здесь шло активное этническое взаимодействие, формировались общие элементы культуры и языка. Отсюда распространялись ительменские элементы культуры и языка к корякам на север, а от коряков — к южным ительменам.

Взаимосвязь коряков-паланцев с ительменами отчетливо прослеживается в материальной культуре. Еще В.П. Крашенинников отмечал, что “род жития их весьма сходствует с камчадалами”. Общие черты имели зимние жилища, хозяйственные постройки, средства передвижения по рекам, орудия рыболовства, способы добычи рыбы, изготовление одежды и обуви. Общность ительменов с оседлыми коряками обнаруживается в духовной культуре. Детали некоторых корякских и ительменских праздников, их атрибутика почти полностью идентичны.

В.И. Иохельсон, считая, что седанкинское наречие ительменского языка является переходным к корякскому языку, обратил внимание на нивелировку ительменской и корякской культур в местах их тесного соприкосновения: “Селения приморских коряков приходили в прямое прикосновение с камчадалскими, и трудно даже провести между ними этнографическую границу. Браки между представителями обеих народностей были обычным явлением, и весь погранич-

ный район был заселен смешанным населением” (Jochelson, 1908). С.Н. Стебницкий вообще считал, что культура современных нам ительменов (1940-е годы) не имеет никаких отличий от культуры юго-западных приморских коряков.

При изучении взаимодействия ительменов с коряками на восточном побережье Камчатки мы сталкиваемся с определенными трудностями. Никаких документальных данных об их отношениях хотя бы в XVIII в. почти нет. О них можно судить лишь по конечным результатам взаимовлияния, которые просматриваются в быту, культуре и языке. Можно, например, утверждать, что образование коряков-карагинцев стало результатом тесных связей между коряками-алюторцами и ительменами. Об этом убедительно писал С.Н. Стебницкий (1939). В свою очередь ближайшие к карагинцам ительмены долины Камчатки во второй половине XIX в. утратили основные черты своего прежнего быта и культуры, а также и языка.

В целом, однако, влияние ительменов на коряков восточного побережья менее значительно. Исключением являются жители о. Карагинского, где сформировалось смешанное ительмено-корякское население. С.Н. Стебницкий, исследовав записи, сделанные С.П. Крашенинниковым у островитян, установил, что наличие фонемы “Ф” в карагинском диалекте – результат ительменского влияния; ни в одном из других диалектов корякского языка этой фонемы нет (Стебницкий, 1939. С. 159). К этому можно добавить наличие ряда личных имен, которые сами карагинцы называют ительменскими: Наса, Ляххи, Томо (для мужчин), Сикле, Малля, Типку (для женщин) и другие.

Элементы ительменской культуры глубоко проникли и в систему религиозных представлений коряков восточного побережья. К числу таких заимствований следует отнести ряд характерных особенностей осеннего благодарственного праздника коряков *хололо*. В нем синтезированы корякские и ительменские элементы благодарственных обрядов и церемоний. По форме и содержанию они идентичны. Многообразные, хорошо прослеживаемые следы ительменского влияния прочно укрепились в традициях коряков восточного побережья Камчатки и в настоящее время воспринимаются как свои, корякские.

Ительменско-русские связи. Включение Камчатки в состав Русского государства стало для ительменов крутым поворотом в их этническом и культурном развитии. Формирование отношений ительменов с русскими на первых порах протекало сложно. Это был противоречивый процесс, свойственный эпохе присоединения. Для тех и других он сопровождался как драматическими последствиями, так и существенными приобретениями.

С основанием Верхнекамчатского, Нижнекамчатского и Большерецкого русских острогов начали формироваться постоянные русские поселения на Камчатке. Казаки без разрешения якутского воеводства не имели права покидать Камчатку, а в 1707 г. последовал указ, закреплявший казаков на постоянную службу в камчатских острогах безвыездно. Вследствие этих обстоятельств казаки прочно оседали на Камчатке, обзаводились семьями, вступая в брак с ительменками, которых предварительно крестили. Дети их (мальчики) автоматически включались в казачье сословие и с наступлением совершеннолетия начинали нести казачью службу. Положенные казакам продукты питания завозились нерегулярно, поэтому они вынуждены были заниматься промыслами подобно аборигенам, нередко – теми же орудиями труда и с той же технологией заготовки продуктов впрок.

Каналы ительменско-русского взаимодействия были настолько многообразными, что уже в XVIII в. это привело к радикальным изменениям культуры ительменов. В результате метисации сложилась особая этническая группа – кам-

чадалы (1700 человек в 1774 г.), сформировалось особое наречие русского языка. Нарастание притока русских, а соответственно и численности метисов (камчадалов) продолжалась в XIX в. Определенную роль в сближении ительменов и русских сыграли христианизация, способствовавшая возникновению на Камчатке школ, распространению русского языка.

Приобщению ительменов к русской культуре, повышению общего уровня развития способствовало появление на Камчатке русских купцов и их приказчиков. Значительную роль в этом отношении играли промышленные компании, осваивавшие Алеутские острова. Не было ни одного плавания от берегов Камчатки, в которых не принимали бы участия ительмены как матросы, промышленники, “работные люди”. Так, например, одну из промысловых экспедиций купца Трапезникова обслуживало 10 русских и 21 ительмен. В экспедиции купца Никифорова (1758 г.) служили 13 русских и 33 ительмена. У купца Бечевина – 42 русских и 20 ительменов (Огрызко, 1973. С. 164).

В конце XIX в. на Камчатке возникло промышленное рыболовство, с его развитием численность постоянных и временных русских рабочих возросла. В 1912 г. правительство разрешило “вольное заселение” Камчатки, что привело к заметному притоку переселенцев-крестьян. В 1912 г. из 77 населенных пунктов на Камчатке 30 были русскими, в том числе 19 крестьянских. Наиболее быстро культурно-бытовое и языковое сближение местного населения с переселенцами формировалось в поселениях смешанного типа. В конце XIX в. из 63 селений на Камчатке более половины были со смешанным ительменско-русским населением.

Брачные связи ительменок с казаками и крестьянами не могли не отразиться на антропологическом облике ительменов и русских. Исследования Г.Ф. Дебеца на Камчатке в 1947 г. показали, что наличие русской примеси у ительменов и, наоборот, ительменской у русского населения Камчатки “с антропологической точки зрения не вызывает никаких сомнений”.

Реальное выражение взаимодействия культур русского и коренного населения Камчатки проявилось почти во всех областях материального производства.

На длинном историческом пути менялись отношения между аборигенами и пришельцами, сглаживались этнические, социальные и языковые различия, формировалось духовное единство. Принадлежность обитателей Камчатки к одной религии, к одному государству отчетливо проявилось во время англо-французской осады Петропавловска, когда русские, ительмены и камчадалы героически отстояли город от интервентов. Патриотизм аборигенов Камчатки проявился и во время русско-японской войны 1904–1905 гг. При этом был проявлен массовый героизм аборигенов.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ

Исследователям, в 1970-е годы и в начале 1980-х годов наблюдавшим жизнь ительменов в райцентре Тигиль, пос. Седанка, Верхнее Хайрюзово, Усть-Хайрюзово и Ковран, казалось, что все видимые признаки ительменской культуры утрачены. Ительмены работали на колхозных фермах и огородах, у них не оставалось времени на традиционное речное рыболовство, морским зверобойным промыслом было разрешено заниматься только госпромхозам, где ительменов практически не было. В поселках нельзя было встретить людей в национальной одежде, не звучал ительменский язык, не было видно балаганов для сушки рыбы, ездовых собак.

Возрождение ительменской культуры, начавшееся в середине 1980-х годов, было подготовлено национальной интеллигенцией. В 1976 г. вышла книга исследовательницы-ительменки Н.К. Старковой «Ительмены. Материальная культура (XVIII в. – 60-е годы XX в.). Этнографические очерки». Лингвист К.Н. Халоймова подготовила, а затем издала небольшим тиражом сборник ительменских загадок и стихотворений, директор ковранского сельского дома культуры Т.Е. Гуторова написала на ительменском языке поэму «Эльвель», поэтически обработав местную легенду о священной горе ительменов. По этой поэме ковранским фольклорным ансамблем «Эльвель» был поставлен балетный спектакль. Ительменская интеллигенция тщательно изучала записи обычаев и праздников ительменов, имевшиеся в этнографической литературе.

Для практического возрождения ительменского языка и культуры было очень много сделано В. Шемаевой, Я. Жирковым, В. Жирковой, носителями родного языка из маленького с. Ковран. В конце 1980-х годов на общественных началах по инициативе К.Н. Халоймовой было введено изучение ительменского языка и культуры не только в школе, но и в детском саду. На основе описания ительменского осеннего праздника С.П. Крашенинниковым и записей песенно-танцевального фольклора, Т.Е. Гуторовой при участии К.Н. Халоймовой, Я.Л. Жиркова была создана сценическая реконструкция этого праздника. В 1987 г. спектакль под названием «Алхалалалай» был впервые поставлен в ковранском доме культуры фольклорным ансамблем «Эльвель».

Сценическая постановка «Алхалалалая» была воспринята населением Коврана (единственного села Камчатки, где ительмены, переселенные сюда из закрытых сел Утхолок, Сопочное, Морошечное, Белоголовое, составляют большинство) с большим энтузиазмом. Праздник «Алхалалалай» с тех пор проводится в Ковране ежегодно в сентябре. Центральным моментом праздника является обрядовое действие, называемое всеми «очищение от грехов». Обряд проводится вечером на специальной «Балаганной» площади на берегу реки. На нем воспроизводятся драматизированные песни и танцы под бубен, изображающие пляску гамулов (духов вулканов), танец вóрона (Кутхи), ход лососей, брачные танцы нерп, гримасничанье (способ отогнать злых духов). Обряд заканчивается прохождением всех жителей села и гостей через кольцо из березовых ветвей (очищение) и установкой на площади очередного «хантая» в виде столба с изображением личин человека и вóрона, с телом рыбы, вырезанного из ствола дерева местными художниками. Распорядителем обряда, длящегося около двух часов,

является руководитель ансамбля “Эльвель” Борис Жирков (Мурашко, 1999б. С. 160–182).

В ночь после обряда начинаются ночные игрища, жгут костры, пляшут, поют. Обрядовые действия, пение и танцы сопровождаются игрой на бубнах. Играют на нескольких бубнах всю ночь, право постучать в бубен предоставляется каждому желающему. В танцах и импровизированных интермедиях много элементов подражания животным, например, брачному танцу нерп, движениям медведей, росомых, птиц, лососей, заходящих в реку на нерест, шуточных и фривольных моментов. Каждая забавная выходка встречается бурей восторга, танцоры и зрители меняются местами. Танцы и пение продолжаются до полного изнеможения участников. Программа праздника рассчитана на 3–4 дня.

Проводится “Алхалалалайчик” в детском саду с разыгрыванием сюжетов ительменских сказок на родном языке, устраиваются выставки прикладного творчества, конкурсы по разделке рыбы и нерпы, установлению традиционных заповедей для лова рыбы на реке, конкурс национальных блюд, который завершается общей трапезой.

Проведение “Алхалалалая” стимулировало возобновление изготовления национальных костюмов, обуви, украшений из меха, кожи и бисера, сувениров, традиционных деревянных нарточек лесного духа Биллюкая, плетеных из травы сумочек. В последние недели перед праздником в поселке чувствуется большое возбуждение. Все готовят костюмы, сувениры, репетируют семейные номера, заготавливают дрова для костров, строят балаганы на площади, обустривают свои жилища для приема гостей (Мурашко, 1999б. С. 160–182).

На праздник в Ковран приезжают ительмены, коряки, эвены, люди всех национальностей из соседних селений. Традиция празднования “Алхалалалая” в Ковране сделала этот поселок в 1990-е годы неформальным центром ительменской культуры. Праздник стал апогеем духовной и общественной жизни населения поселка, его сакральные элементы воспринимались участниками как возвращение утраченной гармонии с природой и искренности в человеческом общении, именно это настроение праздника привлекало большое количество гостей. С 1999 г. ночные танцы, по предложению политического лидера ительменов О.Н. Запороцкого, превратились в “танцевальный марафон”, соревнование в танцах на выносливость, при этом они приобрели большую зрелищность, но потеряли дух всеобщего участия и веселья. В этот период праздник стал восприниматься его организаторами как способ пропаганды ительменской культуры, объект “этнического туризма”. Но в начале 2000-х годов поток гостей праздника резко сократился из-за дороговизны транспорта, и праздник вернулся в узкий круг односельчан (Мурашко, 2004. С. 121–126).

Поведение современных ительменов на природе свидетельствует о сохранении ими элементов традиционного мировоззрения. В каждом месте, где человек останавливается, обязательно разводят костер, чтобы “почаевать”, принести жертву местным “духам” и главному богу – *Нустахчаху*. Наблюдаются тенденции возрождения шаманизма (Мурашко, 1999а. С. 178). После постройки в Усть-Хайрюзове и Тигиле православных церквей многие ительмены крестились, сохраняя при этом убеждение, что крещение не противоречит их традиционным верованиям и обрядам (Koester, 2006).

Умение подшучивать, подмеченное еще С.П. Крашенинниковым (1949. С. 432), является обязательным элементом общения и сегодня. Мужчины постоянно разыгрывают друг друга, приезжих, детей, прививая им умение разрешать конфликты шуткой. В воспитании детей современные ительмены не используют наказаний, жизненные уроки преподаются в виде шутки или действия. Например,

малышу предлагают вытащить рыбу из сетей и отнести ее одинокой бабушке. Так передается традиция делиться первой рыбой. Маленькие дети находятся под покровительством жителей всего села, за детьми матерей, уехавших на учебу или на лечение, присматривают не только ближайшие родственники, ребенок может поесть и отдохнуть в любом доме.

В ковранской школе организован краеведческий музей (руководитель Е. Садовникова), где собраны предметы старого быта ительменов, изделия народных умельцев, археологические находки, работают кружки ительменского танца, родного языка, прикладного искусства. Многие пожилые ительмены делятся с подростками традиционными знаниями: художник А. Притчин развивает традицию резьбы по кости, братья А.А. и Н.А. Левковские – навыками разведения ездовых собак и изготовления нарт, Г.Д. и Н.Э. Запороцкие – знаниями бывалых охотников, рыболовов и морских зверобоев. Работа с детьми способствует распространению знаний об ительменской культуре, повышению ее престижа у молодежи. В 1994 г. в Ковране начала выходить газета “Крвэлхэтном” (“Поговорим”) на русском и ительменском языках.

В 1989 г. в Ковране был учрежден Совет возрождения ительменской культуры “Тхсаном” (“Рассвет”). “Вернуть исчезающей народности присущие ей черты, раздуть слабый огонек культуры ительменов... Организовать собственное многоотраслевое производство для возрождения материальной культуры ительменов и обеспечения занятости в традиционном хозяйстве...”, – так были сформулированы цели и задачи работы в его программе. В 1993 г. Совет возрождения ительменской культуры был переименован в Совет ительменов Камчатки (СИК) “Тхсаном”, его бессменным председателем стал О.Н. Запороцкий.

СИК “Тхсаном” обсуждает важные проблемы в области развития культуры, традиционной экономики, распределение мест лова на реке, вопросы организации переработки рыбы. Созданы семейно-родовые общины для совместного вылова рыбы. В общины жители Коврана объединялись не только по кровнородственному признаку, но и по признаку землячества: общины бывших жителей и их потомков из закрытых в 1960-е годы селений. У людей сохранилась привязанность к своим землям, многие хотели бы вернуться в родные места, чтобы ловить рыбу и охотиться в урочищах предков.

В настоящее время традиционное речное рыболовство составляет основу жизнеобеспечения ительменов. Результаты этносоциологического опроса, проведенного в 2001 г., показали, что рыболовство рассматривается его жителями как основной источник питания и дохода. Между тем администрация Тигильского района стала передавать рыболовные участки на реках, где ранее жили и рыбачили ительмены, коммерческим предприятиям. Общины ительменов и совместно живущих с ними береговых коряков и камчадалов Тигильского района активно борются за право ловить рыбу на своих речках, хотя для получения права на традиционное рыболовство в настоящее время общины вынуждены участвовать в конкурсах.

Численность сельских ительменов постепенно сокращается. В 1999 г. в Тигильском районе их было 1029 чел., на 1 января 2008 г. – 862. Сокращение происходит как за счет естественной убыли (смертность превышает рождаемость), так и за счет оттока населения из сел, особенно молодежи, на учебу и работу. Большинство уезжающих оседает в Петропавловске-Камчатском и ближайшем к городу Елизовском районе. Если в 1989 г. здесь проживало 208 ительменов, то в 2002 г. – 490.

Резонанс возрождения ительменской культуры, начавшегося в Ковране, отозвался у других коренных народов Камчатки. На Алхалалалае в Ковране в

середине 1990-х годов побывали камчадалы долины р. Камчатки, фольклорные ансамбли эвенков и коряков Быстринского, Тигильского, Карагинского районов, представители коренных народов из Петропавловска и Елизово. Пропаганде ительменской культуры способствуют гастрольная деятельность ансамбля “Эльвель” (он побывал в Москве, на Чукотке, Ямале, в других регионах России и за рубежом) и этнокультурные мероприятия, проводившиеся в Петропавловске-Камчатском. С 2006 г. здесь стали проводить осенние “танцевальные марафоны” коренных народов Камчатки. В них участвуют фольклорные ансамбли города и ближайших к нему районов Камчатки, а также все желающие. Соревнования в танцах и пении длятся всю ночь. При непосредственном участии солистов ансамбля “Эльвель” создаются новые ансамбли камчадалов и ительменов, программы фольклорных коллективов эвенков и коряков обогащаются ительменскими мелодиями и танцевальными элементами.